

По мотивам аграрной истории России (к выходу в свет книги В. В. Казарезова «Крестьяне, власть, наука в аграрной истории России» к восьмидесятилетию автора)

В статье обсуждается роль государства и науки в развитии аграрной экономики России, проблемы собственности и хозяйственных укладов. Рассматриваются особенности реформ сельского хозяйства, уроки современного реформирования, проблемы выхода из социально-экономического кризиса.

Ключевые слова: коллективизация, директивное планирование, перестройка, инновационная политика, либеральная экономика, латифундизм.

В. И. Кирюшин,
*д. биол. н., профессор, академик РАН,
Почвенный институт им. В. В. Докучаева
vkiryushin@rambler.ru*

В конце 2016 г. в Москве в издательстве «Достоинство» вышел в свет второй том книги писателя Владимира Васильевича Казарезова «Крестьяне, власть, наука в аграрной истории России».

Первый том был воспринят как учебное пособие или хрестоматия по истории развития сельского хозяйства России с момента зарождения до начала 1930-х гг. Второй том — продолжение этой истории в советский и перестроечный период предстает как аналитическая монография и как энциклопедия, охватывающая все стороны аграрной экономики и социума с привлечением обширного фактологического материала. Историзм повествования, выверенный по всевозможным источникам, сопровождается анализом близких по проблематике исторических событий к современным проблемам, из которого видна позиция автора книги, что существенно обостряет интерес читателя. В условиях очередного пересмотра аграрной политики это имеет особое значение, учитывая причастность автора к историческим преобразованиям.

В. В. Казарезов был активным участником доперестроечных и послеперестроечных событий в качестве первого секретаря Новосибирского обкома партии в конце 1980-х гг. и в качестве вице-президента Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР) в 1990-х гг. Осмыслив раньше многих профессиональных политиков сложность предстоявших аграрных преобразований, В. В. Казарезов, будучи народным депутатом СССР, на первом съезде (1989 г.) предложил использовать реформаторский опыт П. А. Столыпина, отношение к которому было весьма противоречивым. Тогда же вышла книга «О Петре

Аркадьевиче Столыпине». С тех пор, погрузившись в аграрную проблематику России, В. В. Казарезов издал четырехтомник «Крестьянский вопрос в России» и более трех десятков книг, охвативших широкий круг аграрных проблем — социальных, политических, научных, образовательных, управленческих. Значительная их часть посвящена фермерскому движению, в том числе трехтомный роман «Фермер», ряд книг о зарубежных фермерах.

Книга «Крестьянство власть, наука» посвящена изучению роли государства и науки в развитии аграрной экономики России, а также проблемам собственности. Именно эти категории определили трудный путь российского крестьянства и противоречия современного аграрного строительства.

Говорят, история ничему не учит, но наказывает за ошибки. Очевидно, ошибки надо изучать, чтобы избежать очередных шоковых терапий. Материал книги от крепостничества до перестройки в какой-то мере позволяет это сделать и мобилизует на дискуссию с продолжением в третьем томе книги, над которым автор работает.

Данной проблематике посвящено немало литературы. Она перестала быть прерогативой экономистов, особенно тех, которые завели страну сначала в колхозно-совхозный тупик, а потом — в тупик неолиберализма. Проснулись отраслевые специалисты различных направлений реальной экономики, в том числе автор этих строк. После 50 лет напряженной работы в агрономии и науке на самых разных уровнях его мучает сознание того, что многие научно-инновационные достижения собственные и сподвижников по цеху не получили адекватного практического применения. Может быть, следовало заниматься чем-то другим,

коль не в коня корм? Как можно спокойно жить с сознанием того, что твоя страна демонстрирует миру отсталое сельское хозяйство и не только от передовых европейских стран, но и от среднемирового уровня. Очевидно, ответ следует искать, прежде всего, в государственном и социально-экономическом устройстве страны, деятельности ее властей.

Власть. Общей особенностью взаимодействия государства, сельского социума и хозяйства во все времена являлась дискриминация крестьянства в различных формах — от крепостнической эксплуатации до современной ценовой диспропорции отраслей и остаточного отношения к аграрной экономике и социума. В творчестве В. В. Казарезова много внимания уделено общинно-крепостническому строю, который кормил дворянство и духовенство и был угоден государству, которое поддерживало общину, используя в своих интересах ее механизм самоуправления. Общась с западноевропейскими философами и понимая бесперспективность ее для развития страны, Екатерина II, тем не менее, всячески способствовала расширению крепостничества в значительной мере по той самой причине, что община несла полную ответственность за уплату пошлыны, несение всех повинностей, поставляла рекрутов в армию и т. д. Крепостническая земельно-передельная община законсервировала сельский быт, бесправие крестьянина, крайнюю ограниченность каких-либо производственных инициатив и ничтожную производительность труда на многие годы.

Думаю, что отмена крепостного права в России задержалась на полвека уже по субъективным причинам. Вернувшиеся с наполеоновской войны солдаты — крестьяне — победители были достойны иной участи. Передовая часть общества понимала тупиковость системы, будили общественную мысль декабристы, роль которых в истории страны недооценена как большевиками, так и либералами. Склонялся к реформам Александр I. Однако слишком прочным был крепостнический механизм, находившийся в руках помещиков [6].

Именно они, обладая третью населения Российской империи на правах собственности, являли собой органы государственной власти. Вся империя держалась на власти этих феодалов, а власть их самих стояла на крестьянских мирах с их круговой порукой, которыми управляли и другие вотчинники — церковь, дворцовое ведомство и казна. Какой же цепкий этот механизм, если спустя полторы сотни лет он воспроизвелся в микрогосударстве «кущевская латифундия», но об этом позже.

Что же касается общины, то здесь придется обратиться к другой стороне медали. Революционные демократы А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, понимая передельную общину как современное выражение первобытной общины с ее лучшими традициями, связывали с ней будущее общественного строя. Рассеивая эти заблуждения, В. В. Казарезов приводит анализ различных социал-утопических концепций, показывая их несостоятельность. Поземельная община выросла не из альтруистических инстинктов славянского крестьянства, а из эксплуатации крестьянства как форма пользования землей в условиях крепостнического строя.

При всей экономической несостоятельности община всегда была средством политических спекуляций в самых разных аспектах. В идеологическом плане община часто декларировалась как основа славянской цивилизации. На защиту общины накануне крестьянской реформы 1861 г стала и демократическая печать, но в отличие от дворянской, она, идеализируя поземельную общину, клеймила крепостное право. Немало было идеологов и политиков подобного толка и в последующие времена, в том числе пропагандировавших общину как школу кооперации. Увы, основой кооперации является не общинная, а частная собственность на землю.

При всем этом обратная сторона медали существует в виде традиций соборности, взаимопомощи, культуры, гуманитарных ценностей, которыми живет народ в параллельных мирах добродетели и несправедливости.

Первый опыт радикальных аграрных преобразований в России, связанный с реформой П. А. Столыпина, широко освещен в работах В. В. Казарезова. Это единственный государственный деятель в ранге главы правительства, который по-настоящему глубоко понимал приоритеты аграрной страны и сумел создать прецедент известных преобразований. Сельское хозяйство России накануне Первой мировой войны вступило в полосу невиданного до той поры прогресса. Сам же П. А. Столыпин стал жертвой слишком жесткого курса на радикальное преобразование аграрных отношений в кратчайшее время.

В дальнейшем в результате Гражданской войны и разрушительной по сути государственной политики крестьянство было поставлено на грань выживания (продразверстка, раскулачивание, коллективизация), а затем оказалось в условиях командной советской социально-экономической системы. Пройдя через индустриализацию, химизацию, тотальную мелиорацию и другие кампании, «социалистическое земледелие» не только не догнало западноевропейское, но отстало от него еще больше на фоне мирового научно-технического прогресса.

Что же представляла собой власть, которая правила бал? Во втором томе В. В. Казарезов наглядно показывает структуру отраслевой власти и методы руководства сельским хозяйством, иллюстрируя их характеристиками всех наркомов и министров, отвечавших за сельское хозяйство страны. Руководство страной осуществлялось в двух параллельных системах — партийной и советско-хозяйственной. На уровне страны это был сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС с директивными и контрольными функциями, а в качестве исполнительных органов — наркомземы, впоследствии министерства сельского хозяйства, на районном уровне соответственно сельхозотделы райкомов партии и земельные отделы райисполкомов. Работники всех уровней ориентировались, прежде всего, на партийную власть, а потом уже на советскую исполнительную.

Можно представить, в каком положении находились участники этого процесса, принимая во внимание жесткие планы и партийные директивы. Незаинтересованность крестьян в труде «компенсировалась»

средствами принуждения, включая расправы на сталинском этапе.

Наркомы, а затем министры, будучи ответственными за положение в сельском хозяйстве, не могли самостоятельно определять направления его развития. Сложилась система, при которой стратегические решения принимали одни (Политбюро), а отвечали за их провал другие: их приносили в жертву. Так же поступали и сами наркомы по отношению к нижестоящим. Тем не менее, констатирует автор, иррациональная система поддерживалась в работоспособном состоянии, хотя и не обеспечивала должного развития сельского хозяйства. При этом, как подчеркивает он, в основе своей наркомы и министры по подготовке, деловым и иным качествам соответствовали занимаемым должностям. Многие из них были высокопрофессиональными аграрниками, сыгравшими важную роль на различных этапах аграрной истории. Если провести параллель с современными порядками, то трудно представить, чтобы в последний советский период во главе министерства сельского хозяйства оказался врач или юрист, далекий от сельского хозяйства.

В стране было немало опытных руководителей хозяйств и специалистов, немногим из которых удавалось реализовать свой профессиональный потенциал. Все они были заложниками тупицовой системы, которая навязывала бессмысленно жесткое планирование, управленческие и технологические шаблоны, уравниловку и т. п. Все это приводило к более, чем печальным результатам. Убийственным показателем доперестроечного периода с 1965 по 1985 гг. была средняя урожайность зерновых, составлявшая из пятилетки в пятилетку 13 ц/га. Самый парадоксальный факт брежневского застойного социализма заключается в том, что эта урожайность не изменялась, несмотря на увеличивающееся применение минеральных удобрений, которое достигло 100 кг действующего вещества на гектар посева.

Свою лепту в «успехи» земледельцев вносили их партнеры МТС, Сельхозхимия, подменяя товаропроизводителей казенными услугами. Сверхдоходными партнерами выступали мелиораторы.

В качестве одного из мотивов низкой эффективности сельского хозяйства страны нередко приводят многоземелье. В этом есть определенный резон, поскольку увеличивать производство за счет расширения сельхозугодий проще и легче, чем развивать его интенсификацию.

В качестве яркого примера несостоятельности советской системы, ее плановых основ В. В. Казарезов приводит гидромелиоративную экспансию 1980-х гг., когда колоссальные государственные ресурсы были брошены на осушение и орошение огромных территорий безотносительно к системе их использования. Тогда понятия «мелиорация» как основная часть земледелия было подменено понятием мелиорации как отрасли. Возглавлявшее ее ведомство (Минводхоз) получало такие средства, как просвещение, здравоохранение и Министерство путей сообщения вместе взятые. Эти средства расходовались на сооружение гигантских каналов, мелиоративных систем при крайнем их ограничении на использование мелиорируемых земель.

При этом урожайность зерновых культур, например, за 1981-1985 гг. на орошаемых землях составила 33 ц/га, на осушаемых 23 ц/га, картофеля соответственно 102 и 189 ц/га. Такую урожайность можно получать в среднем по стране при применении удобрений, мелиорантов и оптимальных агротехнологий без гидротехнических мелиораций. Это была уникальная разновидность волюнтаризма монопольного ведомства, которое совмещало в себе функции заказчика, подрядчика и приемщика работ. Когда дело дошло до проекта переброски на юг части стока сибирских и северных рек, восстала общественность страны. После разгрома ведомства и разрушительных реформ мелиорация не поднялась.

Что касается персональной роли высших партийных руководителей в сельском хозяйстве, то она может измеряться нанесенным ущербом: преступлениями И. В. Сталина, волюнтаризмом Н. С. Хрущева, застоём Л. И. Брежнева. Они были властителями судеб народа и пользовались безответственностью, которую он им позволял.

Здесь нельзя не вспомнить эпопею освоения целинных земель. Автор книги отражает ее достаточно объективно, но, на мой взгляд бывшего целинника, скуповато. Хочу заметить лишь, что эта история показала, насколько власть не достойна своего великого народа. Сверхграндиозная программа освоения новых земель на площади 45 млн га не была подготовлена ни в каких отношениях. Люди, откликнувшиеся на зов партии, ехали со всех концов страны, зимовали в палатках, испытывали всевозможные страдания и лишения. Множественные просчеты власти, ее безответственность компенсировались усилиями того же народа. На первомайских и октябрьских демонстрациях люди несли портреты членов Политбюро ЦК КПСС, большей частью, не зная их фамилий. Народ шел не за ними, а за идеями, которые формально олицетворяла партия. В процессе великих строек, тяжелых военных испытаний сложилась уникальная общность советский народ с высочайшими достижениями в космосе и самыми низкими среди развитых стран результатами сельского хозяйства. Очевидно, последнее обстоятельство послужило одной из причин распада СССР.

Переломными в осознании обществом несостоятельности общественного строя стали 1980-е гг. К этому периоду, подчеркивает автор книги, накопилась критическая масса негативных явлений, стало слишком очевидным отставание аграрной экономики от зарубежной. Делала свое дело гласность. Все громче звучал голос писательского сообщества, заглушая голоса лакировщиков.

В начале перестройки (с 1985 г.), когда уменьшилось партийное давление на хозяйственную деятельность, возросло конструктивное отношение к ней на государственном уровне, стали пробиваться экономические методы хозяйствования, введение хозрасчета, в стране наметилось заметное оживление сельскохозяйственного производства. Здесь следовало бы отдать должное М. С. Горбачеву, в бытность секретарем ЦК по сельскому хозяйству, инициировавшему освоение зональных систем земледелия, и особенно его преемнику на этом посту В. П. Никонову, по-моему, неспра-

ведливо забытому. По его инициативе в 1985 г. наряду с освоением зональных систем земледелия началась мощная кампания по освоению интенсивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур, которая должна была стать продолжением мировой агротехнологической революции, преобразившей к тому времени сельское хозяйство западноевропейских стран. Эти технологии действительно оказали большое влияние на земледелие страны. Во многих хозяйствах была достигнута небывалая урожайность. Средняя урожайность зерновых за 1986-1990 гг. увеличилась на 3 ц/га и впервые достигла знаковой цифры 16 ц/га, т. е. стопудового урожая. С началом реформы эта работа была свернута и урожайность зерновых упала до тех же 13 ц/га, и лишь через 25 лет удалось нарастить ее до 22 ц/га. Эти события станут, очевидно, предметом рассмотрения в следующем третьем томе книги. Здесь же автор характеризует начало реформы как конец постепенного преобразовательного процесса и попытку срочно превратить социалистическую Россию в рыночную. Этот авантюрный этап революции трудно поддается осмыслению.

Не нужно было быть Чайновыми или Кондратьевыми, чтобы понимать, что одновременно перескочить на желанную фермерскую модель невозможно без создания соответствующих экономических, финансовых, материально-технических условий, что расставаться преждевременно с совхозами и колхозами опасно, что объявлять свободный рынок означало направить страну в сырьевой тупик, а в сельском хозяйстве скатиться на какую-нибудь аргентинскую модель. Но чтобы заявить протест по этому поводу, наверно, надо быть подобному этим героям. Проводя возможную аналогию с культурной революцией в Китае, приходится сожалеть, что своего Дэн-Сяопина в России не нашлось, а в хунвейбинах недостатка не было. Роль такового в сельском хозяйстве сыграл Т. А. Гайдар, которому оно представилось в виде «черной дыры» со всеми известными последствиями.

Таким образом, подводя итоги сюжета «власть и крестьяне», можно сказать, что история их взаимоотношений, представленная в книге, может служить учебным пособием для государственников разных масштабов. Руководство сельским хозяйством как наиболее сложной и многогранной отраслью включает, помимо хозяйственной деятельности, множество социальных, экономических и других проблем, которые переплетаются в сложный клубок. Успехи сельского хозяйства в большой мере были связаны с деятельностью тех руководителей государства и отрасли, которые это понимали, как, например, премьер-министр П. А. Столыпин, министр А. С. Ермолов и другие. К сожалению, немало противоположных примеров. В целом, аграрная политика государства не привела страну к продовольственному и социальному благополучию сельского населения. Это вопрос ответственности перед ним государства и его функционеров.

Это положение постоянно подчеркивает В. В. Казарезов. В частности, им цитируется высказывание крупного ученого-аграрника Н. А. Каблукова более 100 лет назад о том, что «проблемы в сельском хозяйстве страны накапливаются из-за незнания поло-

жения в нем, особенно теми, от кого это зависит... Как может обойтись без знания их законодатель, коль скоро предназначения его имеют прямое и непосредственное отношение к действительности и могут повлиять на нее так, что самые благодетельные намерения обратятся во зло».

Безответственность и волонтаризм многих государственных деятелей приводили к тяжелым последствиям, если не встречали конструктивного противодействия. Говоря об ошибках М. С. Горбачева, В. В. Казарезов задает вопрос: «...где же была партийно-государственная элита, принимавшая любые его предложения и голосовавшая за них?». Автор книги относит это и к себе, как участнику перестройки на государственном уровне, хотя ему принципиальности было не занимать.

Как измерить ущерб, нанесенный сельскому хозяйству и социуму, Б. Н. Ельциным и правительством Т. А. Гайдара? А еще важнее, как не допустить дискриминации сельских тружеников всевозможными властями? Очевидно, для этого нужна политическая сила, которая защищала бы интересы крестьянства. К сожалению, таковой не стала крестьянская партия Лапшина и претендовавшая на опеку крестьянства КПРФ.

Наука. С выходом в свет данной книги, а еще ранее «Золотой летописи Тимирязевки» в пяти томах В. В. Казарезовым сформировано достаточно целостное представление о сельскохозяйственной науке в контексте истории сельского хозяйства страны. Значительное внимание уделено тем, кто непосредственно ее творил. Перед читателем предстает череда блестящих ученых с их методологией, научным вкладом, мировыми достижениями и нравственными позициями без традиционных штампов и биографических накладок. Отечественные научные школы В. В. Докучаева, В. Р. Вильямса, Д. Н. Прянишникова, Н. И. Вавилова и многих других ученых оказали немалое влияние на развитие мировой науки и практики. К сожалению, цена большинства достижений науки, особенно в сталинский период, весьма велика и ее история названа президентом ВАСХНИЛ А. А. Никоновым «драмой сельскохозяйственной науки». Руководящая роль партии и государства здесь проявилась весьма болезненно, особенно в экономической науке. Анализируя ее историю, В. В. Казарезов на первый план выносит идеологизацию, давление политического руководства, решения которого должна была обосновывать наука. При этом он выделяет по сути три категории ученых. Первые развивали догмы, в которые сами не верили и провозглашали новые в угоду власти. Вторые верили в идеалы социалистической системы и искали пути ее совершенствования. Третьи, несмотря на запрет поиска за рамками терпимого коммунистической идеологией, озвучивали идеи необходимости перехода к рыночной экономике, многоукладности и в целом к демократизации общества, сильно осложняя при этом себе жизнь.

Доставалось биологическим и другим наукам, которые государство тиранило догмами, заимствованными у лжеученых. Меньше страдали отрасли космонавтики и военно-промышленного комплекса, в функциони-

рование которых государство не могло вмешаться, и где создавались шедевры научно-технического прогресса. Таким образом, из истории взаимоотношений государства и науки вытекает вывод: наука успешно развивается там, где государство не вмешивается в ее функционирование, но создает для него определенные условия. В сельском хозяйстве так никогда не было. Жесткие догматические сталинские формы, жертвами которых явились Н. И. Вавилов, А. В. Чайнов, Н. Д. Кондратьев и многие другие противостоявшие догмам ученые, сменились другими бюрократическими формами. Выработалась особая бюрократическая система управления наукой чиновниками.

Сельскохозяйственная наука не была направлена на конечный результат. Работа была ориентирована на научные отчеты по темам и разделам. Разобщенность этих тем и разделов господствовала на всех уровнях от отраслевых отделений Россельхозакадемии до кафедр сельхозвузов и никак не способствовала появлению конкретного научного продукта.

Сельхознаука деформировалась, производя собственных чиновников с учеными степенями. Ученая степень стала индульгенцией для случайных людей в науке и пропуском на руководящие должности в производстве. Между тем наука и практика имеют разные мотивации, смешение которых разрушительно. Наука ищет новые знания, практика их использует. Это разные формы деятельности с разными приоритетами. Поэтому в большинстве стран существуют особые службы освоения новых знаний, типа американской Extension service, для которых университеты готовят специальных работников. В советское время государство безрезультатно пыталось возложить на ученых функцию внедрения. СССР был одной из немногих стран, не располагавших специальной службой, соединившей науку и практику. Теперь это Россия.

Примечательно, что в сельскохозяйственной науке немало крупных достижений, появившихся не благодаря поддержке государства, а вопреки ему. Такой, например, была почвозащитная система земледелия, созданная под руководством академика А. И. Бараева, которому пришлось не только преодолеть препятствия среди академических чиновников, но и грубое вмешательство Н. С. Хрущева, отдавшего распоряжение о его увольнении. Были и противоположные случаи, например, когда секретарь ЦК компартии Белоруссии П. М. Машеров поддержал научно-инновационную школу академика Т. Н. Кулаковской, что поспособствовало удвоению урожайности зерновых в этой республике.

В период перестройки академия сельскохозяйственных наук в значительной мере освободилась от давления государственной партукратии, но руководство внутри самой академии осталось бюрократическим. Она не стала штабом аграрной реформы, а впоследствии не сумела противостоять авантюризму правительства либералов, объявившего шоковую рыночную тиранию, стремительный курс на свободный рынок, несмотря на предостережения ведущих ученых — экономистов мира (А. Леонтьева и других нобелевских лауреатов), точно предсказавших крах реформы. Мне кажется, этот период недостаточно остро

показан В. В. Казарезовым, пощадившим беспомощную советскую экономическую науку. Ради справедливости надо сказать, что отдельные члены академии высказывали свое несогласие с объявленным курсом, но твердой позиции РАСХН не было заявлено.

До сих пор не очень понятна позиция экономической науки, в том числе отраслевой, в отношении экономического курса страны и агропромышленного комплекса. В то же время надо отдать должное земледельческой науке, которая, несмотря на сложности реформы, успешно разрабатывала новые подходы к сельскохозяйственному природопользованию, экологической дифференциации сельского хозяйства. Благодаря разработанным адаптивно-ландшафтными систем земледелия и наукоемким агротехнологиям, созданы научные предпосылки для технологической модернизации земледелия [7].

Какова же роль государства в развитии сельскохозяйственной науки в период реформ? Началась эта роль с откровенной атаки главы правительства Т. А. Гайдара на отечественную науку со всеми известными последствиями. Она сопровождалась разрушением сельскохозяйственных технологических служб, в том числе землеустроительной, без которой, как не парадоксально, в дальнейшем проводилась земельная реформа.

Новый период взаимодействия государства и сельскохозяйственной науки отличался от всех предыдущих инертностью властей. Не было взаимодействия РАСХН с Правительством и МСХ РФ, соответственно не было внятной научной инновационной политики в АПК. Затем правительство «активизировалось» и благословило приватизацию учебных хозяйств сельхозвузов и опытно-производственных хозяйств аграрных НИИ вместо укрепления и развития научно-учебно-производственной базы. Далее государство стало бесцеремонно разрушать сложившуюся структуру науки и создало чиновничью контору по управлению наукой — ФАНО. Сложилась на редкость безответственная ситуация. О ней и о том, как из нее выходить, я высказывал свои соображения на страницах журнала «Инновации» [7]. Очевидно, эту тему не обойдет в третьем томе В. В. Казарезов. Мне представляются в качестве узловых проблем: создание национальной инновационной системы в АПК по опыту развитых стран; мобилизация инновационной активности предпринимателей по опыту западноевропейских компаний, вкладывающих в научные исследования до 15% прибыли; формирование новых, договорных отношений государства с наукой. Вместо бюрократического давления государство должно заключать договоры на конечную научную продукцию с научными учреждениями или крупными учеными, не распыляя средства по мелким фондам, не вмешиваясь в исследовательский процесс, но обеспечивая ответственность за результат.

Собственность и хозяйственные уклады. В советское время сложились две параллельные системы — колхозно-совхозная, получавшая от государства производственные ресурсы, но дававшая менее половины продовольствия, и индивидуальная, производившая более половины. Ни та, ни другая системы эффективно

работать не могли. Первая из-за отсутствия мотивации к труду, вторая при всей мотивации собственника из-за низкой производительности тяжелого ручного труда в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). Одним из следствий противоречий стало воровство крестьян. Тем не менее, в стране было немало примеров эффективных колхозов и совхозов. Вопрос отношения к частной собственности лейтмотивом проходит через всю книгу.

Автор называет множество имен социалистов-утопистов, полагававших, что частная собственность и вытекающее из нее неравенство в уровне жизни — основа несчастий человечества. Тем не менее, как показал эксперимент в СССР, заключает автор, цель построить справедливое процветающее общество, где нет частной собственности — на данном этапе развития человечества недостижима, утопична. Но при стремлении к достижению этой цели, несмотря на все издержки и жертвы, было наработано очень много интересного, значительного, общественно полезного, что должно быть использовано и верно служить последующим поколениям.

В предисловии ко второму тому книги академик П. А. Чекмарев пишет, что «можно было восстановить утраченное колхозниками чувство хозяина, во имя чего и затевалась реформа, не разрушая коллективных хозяйств, а рационализируя их путем создания экономической самостоятельных подразделений с последующим кооперированием; можно было передавать отдельные подразделения коллективных хозяйств, а то и целиком в групповую или частную собственность».

Такие идеи развивал академик Н. В. Краснощеков, экспериментируя с создававшимися им коллективами интенсивного труда в начале перестройки. Он разрабатывал различные модели хозяйственных укладов и кооперации на примерах сельскохозяйственных предприятий Сибири. Мне, как участнику этих экспериментов, казалось близким практическое решение проблемы многоукладности сельского хозяйства с дифференцированным агротехнологическим обеспечением различных форм организации труда. Однако «революционный процесс» стал непредсказуемо разворачиваться в сторону экспансии крупных землевладений, вызывая ассоциации с далеким прошлым. В этой связи автор книги приводит высказывание Н. А. Каблукова, который еще в начале прошлого века писал, что «развитию крестьянского хозяйства противоречат интересы только одного класса населения, представляющего собою прошедшее, а не настоящее, тем менее будущее... Это класс землевладельцев».

«Сказанное более ста лет назад крупным русским ученым чрезвычайно актуально для нашего времени, — отмечает В. В. Казарезов. — И сегодня становлению миллионов крестьянских (фермерских) хозяйств в России мешают крупные землевладельцы — латифундисты, не только сами по себе, скупая земли и захватывая рынки, но и используя своих ставленников в структурах законодательной и исполнительной властей».

Не развивая здесь эту позицию, автор книги, очевидно, намерен рассматривать ее в «послеперестроечном» третьем томе. Однако, учитывая возрастающий политический накал вокруг проблемы интенсивно

развивающегося в стране латифундизма, я не могу не остановиться на ней подробнее.

Прежде всего, следует напомнить, что латифундия — особый случай сверхкрупного аграрного предприятия, находящегося в частной собственности одного лица или корпорации. В России насчитывается более 700 агрохолдингов разных форм собственности. Среди них немало гигантов, имеющих площадь от 150 тыс. до 500 тыс. га. Гигантизм их осознается в сравнении с бывшими колхозами и совхозами, имевшими в среднем соответственно 5 и 10 тыс. га сельскохозяйственных угодий и особенно в сравнении с современными размерами американских или канадских ферм — 300-500 га.

Появление их явилось следствием неудавшейся аграрной реформы, первоначально ориентированной на фермеризацию колхозов и совхозов. Неподготовленность реформы, ограниченность производственными ресурсами, кредитами, засилье продовольственного импорта, неорганизованность необходимых форм кооперации, возросший диспаритет цен, множество противоречий и ошибок сильно ограничили процесс фермеризации сельского хозяйства.

В конечном итоге по результатам сельскохозяйственной переписи 2006 г. в России насчитывалось 260 тыс. фермеров, которые производили 7% от общего объема аграрной продукции. При этом только 20 тыс. фермеров являются фермерами-предпринимателями в западном понимании. Они имеют хозяйства по 300-500 га, реже 2500 га. Остальные фермеры заняты в основном самообеспечением, т. е. ведут не торговое фермерское, а по сути, крестьянское хозяйство, либо занимаются мелким бизнесом.

На этом фоне крупный капитал, приватизировавший в конце 1999 г. промышленность в городах, заинтересовался селом, началась скупка за бесценок имущества колхозов и совхозов. Сырьевые монополии — нефтяные, газовые и т.п. обзаводились собственными аграрными холдингами. Первым по этому пути пошел Газпром, покупавший в разных регионах земли, общая площадь которых достигла размеров Тульской области.

Таким образом, современный агрохолдинг представляет собой сверхкрупное аграрное производство, где головная финансовая организация контролирует множество предприятий в разных регионах, включая помимо растениеводства и животноводства, элеваторы, мельницы, пищевые комбинаты, заводы по переработке продукции и т. д.

Скупка земли явилась, прежде всего, эффективным средством обогащения, учитывая, что цена за средний земельный пай возросла с 5-10 тыс. руб. до 79 тыс. руб., а на юге России дошла до 100 тыс. руб. за 5 га чернозема. Данный процесс совпал с глобальным процессом перераспределения земельных ресурсов под контролем финансово-олигархического капитала. Большую активность в данном отношении проявляют государства Персидского залива, Дальнего Востока (Китая). Китайцы скупают земли в Африке, транснациональные корпорации Европы и США покупают земли в Бразилии и Аргентине. На территории России зафиксировано около 70 крупных зарубежных агро-

компаний. При этом законодательные ограничения на покупку земли иностранцами легко обходятся путем создания совместных предприятий, часто в офшорах.

Теперь возникает вопрос, что означает данный процесс для аграрной экономики страны. По этому поводу в обществе существуют различные позиции:

- первая — оптимистичная, приветствующая агрохолдинги как новый прогрессивный хозяйственный уклад;
- вторая — выжидательная: пока что агрохолдинги решили проблему производства мяса птицы, свинины, растительного масла, сахара, зерна и даже начали экспортировать, дальше посмотрим;
- третья — непримиримая с прогнозированием катастрофы.

Неоднозначность оценок обусловлена наличием как положительных, так и отрицательных сторон у этих организаций.

Плюсы агрохолдингов — способность к крупным инвестициям, внедрению передовых технологий, крупномасштабное производство и специализация, возможность формирования вертикальных продуктовых цепочек, снижения риска потерь рынка. Среди агрохолдингов есть немало эффективных предприятий. Ими руководят профессиональные, талантливые предприниматели. Такие люди, как и руководители передовых колхозов и совхозов, представленные в книге В. В. Казарезова, всегда существуют в природе. Их успех и выбор в значительной мере определяются отношением и контролем властей. Убедительным примером того, как можно развивать крупное аграрное производство, является опыт Белгородской области, одной из первых начавших создавать агрохолдинги. Важно, однако, иметь в виду, что все они с самого начала находились под контролем губернатора области Е. С. Савченко — крупного аграрника, ученого и организатора. В свое время, пока пай были дешевыми, область скупила их в областной земельный фонд и сейчас около 43% земли контролируется областным руководством. Государство сдает эти земли в аренду агрохолдингам, но с конкретными социальными обязательствами и требованиями инновационного развития производства. При этом область развивает программы экологизации сельского хозяйства и освоения адаптивно-ландшафтных систем земледелия. Одновременно с совершенствованием агрохолдингов по настоянию губернатора развивается солидная фермерская программа, в частности, поддержка малых молочных ферм.

Данный подход явился скорее исключением, чем правилом. Большинство собственников агрохолдингов — далекие от сельского хозяйства люди, купившие землю для извлечения прибыли любой ценой, а нередко для спекуляций. Большая часть агрохолдингов страдают забюрократизированностью аграрного управления, унаследованной от совхозов-гигантов и дополненной низким уровнем профессионализма. Во главе их часто стоят люди далекие от аграрных профессий. Инвестиции, идущие по каналам подобных холдингов, часто расходуются так же неэффективно, как при советской власти. В России накопилось целое кладбище «агродинозавров» — агрохолдингов,

просуществовавших кое-как несколько лет, а потом обанкротившихся. Это происходит по схеме: создается агрохолдинг с участием местных властей, какого-либо олигарха, функционирует два–три года, в него вливаются (отмываются) капиталы, после чего он банкротится, а земли перераспределяются в другие государственно-олигархические структуры.

Особенностью агрохолдингов является социальная безответственность, которая оборачивается низким качеством рабочей силы и профессиональной несостоятельностью кадров. Местный социум — школы, больницы, клубы и другие объекты социальной сферы, которые ранее поддерживались колхозами и совхозами, воспринимаются новыми хозяевами как обуза. В итоге идет активное вымывание кадров из агропроизводства, депопуляция. Многие холдинги делают ставку лишь на безликую, наемную, дешевую рабочую силу, также не заинтересованную в успехах производства, как в бывших колхозах и совхозах. При этом часто вводится охранно-полицейский контроль с вооруженными охранниками и видеокамерами.

Деятельность многих агрохолдингов сопровождается неблагоприятными экологическими последствиями — деградацией земель, загрязнением их отходами огромных животноводческих комплексов.

Сторонники третьей позиции сравнивают отечественный латифундизм с латиноамериканским, когда авторитарные государства опирались на консервативных крупных землевладельцев, поддерживающих на селе порядок и стабильность за сохранение своих привилегированных прав. Подобная реакционная политическая структура нередко выстраивается у отечественных латифундистов, у которых есть приватная полиция, местное население бесправно, происходит сражение власти и капитала, когда в одном лице глава агрохолдинга может быть главой района и крупнейшим землевладельцем. Отсюда чудовищное социальное неравенство и экономическое расслоение.

Кстати сказать, в Америке и Европе тоже есть агрокорпорации, но они работают по контракту с семейными фермерскими хозяйствами, как финансово-технологическая надстройка над фермерством (через кредиты и технологии для фермеров).

В целом проблема агрохолдингов требует глубокого и пристального изучения. Ясно, что в существующем виде гигантское агрохолдинговое строительство — результат гипертрофированного нелиберального курса, множества ошибок правительства и упущенных возможностей фермеризации и в целом оптимизации хозяйственных укладов. Очевидна необходимость существенной корректировки этого курса, разработка адекватной аграрной политики и земельного законодательства, которое должно определить, в том числе, и нишу агрохолдингов в аграрной экономике.

Пока не ясна позиция правительства, хотя тот факт, что министром сельского хозяйства страны является создатель крупнейшего кубанского агрохолдинга, вошедшего в первую десятку крупнейших землевладений (456 тыс. га) настораживает, учитывая, что кубанский опыт агрохолдингового строительства отнюдь не лучший. Об этом свидетельствует недавняя попытка группы кубанских фермеров добраться

на тракторах до Президента страны с жалобами на беспредел латифундистов. Свежа в памяти история с кушевской латифундией на Кубани.

В целом, нельзя не видеть, что латифундизм — это аграрное выражение олигархизма, как следствие ультралиберальной политики государства. Очевидно, не дожидаясь фундаментальных трудов отечественных экономистов на эту тему и «судьбоносных» очередных рекомендаций гайдаровских форумов, следует обратиться к западноевропейскому опыту по расставанию с латифундиями в 1970-х – 1980-х гг. Этот процесс был отрегулирован различными средствами: установлением предельных размеров земельных участков в частной собственности, прогрессивным налогом, отказом в субсидиях. В то же время фермерам была оказана поддержка кредитами, что позволило им выкупить земли. Арсенал подобных средств может быть достаточно велик, за исключением традиционных экстремальных.

В заключительном разделе книги, названном «Без учета уроков прошлого не быть достойному будущему», В. В. Казарезов отмечает, что «мы располагаем колоссальным опытом организации общества, как на социалистических принципах, так и на основе рыночной экономики. Задача взять все лучшее из обеих систем и на основе собственного исторического опыта, доставшегося столь дорогой ценой, выйти на оптимальный вектор устойчивого развития». Конструктивному осмыслению этого опыта и посвящен труд автора этой книги.

Список использованных источников

1. В. В. Казарезов, П. А. Столыпин: История и современность. Новосибирск: РИД, 1991. – 128 с.
2. В. В. Казарезов. Крестьянский вопрос в России. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2001. – 365 с.
3. В. В. Казарезов. Золотая летопись Тимирязевки. Т. 2-4. М.: 2008-2010 гг.
4. В. В. Казарезов. Крестьяне в произведениях русских писателей, М. Изд. Дом «Достоинство», 2012. – 414 с.
5. В. В. Казарезов. Крестьяне, власть, наука в аграрной истории России М.: Изд. дом «Достоинство», п. 1, 2014, – 607с.; п. 2, 2016, – 831 с.
6. В. И. Кирюшин. Уроки государственной аграрной политики в России // Экономика с/х и перерабатывающих предприятий, № 1, 2011. С. 19-23.
7. В. И. Кирюшин. Последствия радикального экономического либерализма и задачи новой аграрной политики // Инновации, № 1, 2015. С. 4-17.

Based on the Agrarian History of Russia (Dated to the release of Book «Peasants, power, science in the agrarian history of Russia» written by V.V. Kazarev that dedicated to the 80th anniversary of the author)

V. I. Kiryushin, doctor of biological Sciences, professor, Academician RAS, V. V. Dokuchaev Soil Science Institute.

In the article the author discusses the role of the nation and science in the agrarian economy development in Russia. The author raises the issues of an ownership and economic structures and also considers agricultural reform characteristics, lessons of modern reforming process and issues to manage a social and economic crisis.

Keywords: collectivization, directive planning, perestroika, innovation policy, liberal economics, latifundium.

ТАЛОН ПОДПИСКИ ЖУРНАЛА

Подписка в редакции — это получение журнала сразу после тиража.

В редакции можно оформить подписку на 2017 год (с 1 по 12 номер) по льготной цене **18840 руб. 00 коп.**
(*Восемнадцать тысяч восемьсот сорок рублей 00 коп.*), в том числе НДС — 1 712 руб. 73 коп.

Название организации _____

Фамилия, имя, отчество _____

Должность _____

Почтовый адрес (адрес доставки) _____

Просим высылать нам журнал «Инновации» в количестве _____ экземпляров.

Нами уплачена сумма _____

Платежное поручение № _____ от _____ 20__ г.

Банковские реквизиты редакции:

ОАО «ТРАНСФЕР», ИНН 7813002328, КПП 781301001
р/с 40702810727000001308 в ДЮ Приморский ПАО «Банк Санкт-Петербург», г. Санкт-Петербург»,
к/с 30101810900000000790, БИК 044030790

Дата заполнения талона подписки _____ Подпись _____

Подписка оформляется с любого номера.

Заполненный талон подписки мы принимаем по факсу: **(812) 234-09-18**

Контактное лицо: *А. Б. Каминская.*

ТАЛОН ПОДПИСКИ ЖУРНАЛА